

УДК 32

К ПОИСКАМ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: КОГНИТИВНЫЙ РАКУРС

Тхагапсоев	доктор философских наук, профессор кафедры философии,
Хажисмель	Кабардино-Балкарский государственный университет
Гисович	(360004, Россия, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173) E-mail: gapsara@rambler.ru
Черноус	кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Виктор	Российского института стратегических исследований, профессор
Владимирович	Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: kavkazdon@mail.ru

Аннотация

Признаки дисфункции и кризисности теоретического познания, связанные с наступлением эпохи (парадигмы) постакадемической науки, заявляют о себе и в политологической науке. Альтернатива нарастающим в этом контексте тенденциям к превращению политической науки в «прикладную» – в технологии «цветных революций и информационных войн видится в переносе на эту науку когнитивного арсенала постклассической социально-гуманитарной науки, а также в переосмыслении роли философии в методологии политической науки. При этом политика интерпретируется предельно широко, как деятельность по творению, воспроизводству и регулированию социального пространства-времени (СПВ), а особенности политического бытия рассматриваются в общем контексте социальной истории.

Ключевые слова: *социальное время-пространство, политическое пространство, социальная трансформация, идентичность, цивилизационный процесс, информационное общество, виртуальная реальность, сетевое общество, коммуникативность, глобализация мира, проективность.*

Обеспокоенность по поводу того, что реальности современного сложно-изменчивого мира ускользает от наличной когнитивной оптики политической науки, базирующейся на категориях классической науки – «общество», «государство», «капитализм», «демократия» «либерализм», «модернизация», «глобализация» становится лейтмотивом дискурсов, посвященных «методологическим вызовам политнауке, которые пока остаются без ответа» [Политическая идентичность... 2011, 2012]. Речь идет о формах проявления концептуально-теоретической и методологической дисфункции политнауки. Характерно и то, что политологическая наука в поисках путей преодоления своей методологической «недостаточности» все чаще апеллирует либо к социологии, по сути превращаясь в некую форму прикладной социологии, либо – с социальной психологией, трансформируясь в систему психотехник и технологий манипулирования сознанием человека.

И в самом деле далеко не новые социологические идеи и концепты: «текучести бытия» (Бауман), символического капитала (Бурдьё), информационного общества (Кастельс), коммуникативного общества (Луман), креативного общества (Флорида), выражающие лишь некие отдельные грани социальной (а значит – и политической) реальности так и остаются доминантами интерпретационных моделей современной политической науки.

Между тем, политика являет собой всю совокупность отношений и действий людей по творению, воспроизводству и трансформации социального бытия [Огурцов 2001]. А значит – политическое бытие невозможно охватить и выразить на основе приведенных «частично-аспектных» измерений бытия человека – необходимо дополнить их хотя бы холистическими мерами философии, скажем, категорией «социальное пространство – время» (СПВ), призванной выразить в целостности все грани социального бытия.

Апеллирование политической аналитики (науки) к обобщенным формам социального бытия актуализируется еще одним обстоятельством – отсутствием современной научной

картины общества, которая пользовалась бы широким признанием социально-гуманитарных наук, как было некогда с учением Маркса [Степин 2011]. К тому же, если политику понимать как тотальную совокупность социальных практик и дискурсов, направленных на формирование, развитие и исследование правовых и моральных норм; структур государственно-административных институтов; форм государственного управления; отношений и институтов власти, как мы и предлагаем, то она (политика) являет собой ни что иное как способ и механизм регулирования социального бытия (социального пространства-времени). Таким образом, «политическое», т.е. политические отношения и процессы не могут рассматриваться в отрыве от социального пространства-времени, вне его архитектуры и реальных процессов в данный исторический момент («здесь и сейчас»). И наоборот – развитие методологии политических наук и когнитивной «оптики ведения политического бытия» возможно лишь в контексте развития философской методологии анализа и интерпретации социального пространства – времени, закономерностей его исторических трансформации.

Концепции социального пространства – времени как аспект политической эпистемологии

Здесь напрашиваются некоторые предварительные пояснения. Закономерности познания таковы, что его методы и проблематика определяются социально-культурным контекстом в предельно широком понимании, т.е. доминирующими на данном этапе истории трендами культурно-цивилизационного развития, формами социальной практики (включая политическую), которые в единстве и целостности выражаются в категории «социальное пространство-время». В то же время, смысловое содержание этой категории детерминировано достигнутым на данный момент уровнем познания – сложившимся в науке набором идей и объяснительных механизмов. В итоге получается «замкнутый методологический круг», размыкание которого (если таковое случается) означает не только новый шаг/этап в социальном познании (т.е. в смысловом наполнении категорий «социальное пространство – время», «политическое бытие»), но и в развитии механизмов социального регулирования, политической практики.

В этом контексте представляется закономерным, что именно в эпоху Просвещения – в пору масштабных социальных трансформаций и подъема научной мысли впервые встает проблема социального времени и социального пространства. До этого в познавательной практике не было различия механизмов причинности в мире природных процессов и социума – античная философия, как известно, придерживалась модели «макрокосма-микроскосма», распространяя природные принципы и законы на социум, а в средние века причинность сводилась к Богу. И только в эпоху Просвещения Вико, в чьих взглядах преломились идеи этой эпохи (в том числе и социально-политические), убедительно демонстрирует, что механизмы детерминации социальных явлений отличаются от таковых в природном мире и выносит на арену познания проблему социального пространства [Киссель 1990].

В последующем в контексте сложных и противоречивых процессов становления индустриального капитализма проблематика СПВ обретает актуальность, выходит в центр внимания становящейся в ту пору социологической науки. В частности, Г. Зиммель вводит представления о сути и формах социального пространства – времени [Зиммель 1996], что в последующем получает разновариантное развитие в учениях Риккерта [Риккерт 1998], Парсонса [Парсонс 2000] и Броделя. При этом если у Зиммеля социальное время и пространство предстают как «чистые формы» (в духе кантовских априорий), на основе которых возможно (и должно) осмысление и описание реальной действительности (социальной, политической), то у Риккерта речь идет о пространстве культуры, «возвышающей человека над натурой», природой и биологической природностью. Что касается Парсонса, он интерпретирует СПВ как систему стратификаций и меру их развития, т.е. как формы и меры социальной эволюции, подчеркивая при этом взаимную обусловленность социального пространства и социального времени.

В свою очередь, Бродель вводит в научный оборот конкретизирующие понятия «время больших длительностей» и «структуры повседневности», расширяя таким образом методологию

ческие горизонты применения категории СПВ и демонстрируя при этом высокую операциональность категории «социальное время – пространство» не только в социологии, но и в рамках исторической науки, политической истории [Блюхер 2000]. И учение Маркса в своеобразной форме преломляет идею социального пространства и времени. Здесь СПВ – это классовые структуры и сумма общественных отношений, которые обретают целостность, типологические формы и динамику в общественно-экономических формациях и их периодической смене.

Изложенные концепции при всех формулировочных различиях схожи и едины в главном – в том, что они вписываются в принципы и логику классической науки, т.е. интерпретируют социальное время и пространство в качестве неких онтологических констант социума, как набор структур и их линейное развитие во времени. Иначе говоря, СПВ в данном случае – это нечто внеположное человеку, довлеющее над ним и «кладущее пределы» его активности. Вероятно, в рамках подобного понимания СПВ и политические механизмы не должны быть иными, кроме как формами внешнего принуждения.

Новый этап в осмыслении СПВ (очередное размыкание «методологического круга») задают идеи А. Бергсона, которые созвучны принципам экзистенциальной философии и порождены «духом разочарования» в рациональном разуме в условиях социальных катастроф и социального хаоса, порожденных в начале XX века Первой мировой войной и последовавшей за ней волной кризисов, революций и гражданских войн.

Бергсон полагает, что социальное время и пространство являют собой функции жизни [Блауберг 2003]. С подобным пониманием СПВ смыкаются и представления П. Бурдьё, трактующего социальное пространство как некое неразрывное с человеком «поле напряжений», создаваемых габитусом – нормативной системой социальных действий, детерминированных культурой [Бурдьё 2007]. Таким образом, у Бергсона и Бурдьё социальное пространство представляет собой не только внешнее условие, но и функцию бытия социума (человека), поле взаимодействия и культурно-ментального обмена членов социума. В развитие этих идей П. Штомпка выделяет четыре уровня этого своеобразного экзистенциального поля, «охватывающего» человека, его внутренний мир, прежде всего: – поле идей, верований и дефиниций; – поле норм, предписаний, запретов и ограничений; – поле коммуникаций и интеракций; – поле ресурсов (возможностей) [Штомпка 2005].

Концепции СПВ Бергсона, Бурдьё и Штомпки являют собой новый этап в осмыслении СПВ и в том плане, что они соответствуют логике неклассической науки, в рамках которой природа и социум предстают (и интерпретируются) как сложная система, подверженная многообразным эмерджентным процессам [Пригожин, Стенгерс 1994; Аршинов 2006], зависящим также и от личностного фактора. Подобное понимание СПВ предполагает многообразие форм социальности, а значит – многообразие форм и методов социального и политического регулирования: от экономического мотивирования и юридического ограничения до социальной самоорганизации и демократического самоуправления, что начиная с 60-х годов становится фактом и нормой европейского политического бытия.

В 90-е годы в контексте постсоветских трансформаций социального бытия и становления российской политической науки проблематика СПВ ожидаемым образом обретает актуальность, что находит отражение в целом ряде работ [Андреев 1993; Венгеров 1992]. Так в очередной раз подтверждается отмеченная закономерность: когда выясняется, что изменившийся социально-культурный контекст (социальное и политическое бытие) не укладывается в бытующие теоретико-методологические рамки, – в данном случае в рамки истмата, – открывается путь к новой ступени социального познания и к новому смысловому наполнению категории СПВ, а значит – к перестройке когнитивно-методологического арсенала политической науки. Были предприняты именно такие попытки, в которых и родилась современная российская политология. Однако с 90-х гг. изменилось многое в социально-политическом бытии и политнауке – современная цивилизационная ситуация, такова, что настойчиво диктует необходимость выработки новых взглядов на СПВ и новой методологии политической науки.

Дело в том, что в условиях глобализации мира и непрерывной трансформации всех аспектов жизни человека методология анализа социально-политического бытия на основе привычных структурно-онтологических категорий (географическое пространство, тип цивилизации и культуры, политический строй, социально-классовая структура общества, институты права, власти и управления) утрачивает эффективность (порождая и отмеченные выше «методологические метания» политической науки между ипостасями прикладной социологии и инженерии «цветных» революций, информационных войн). Сегодня состояние цивилизации осознается не иначе как «пороговое», как преддверие смены форм бытия человека – от экономических и технологических, до экзистенциальных и антропологических. Соответственно, в роли главных мер бытия социума объективно выступают масштабы, темпы и многообразие перемен, коими охвачены все сферы жизни человека – от познавательной практики, до социальной организации и коммуникативных отношений. При этом динамика и радикальность перемен таковы, что проблематичной становится сама возможность выразить их суть, на что претендует целая вереница определений: постиндустриальное, информационное, креативное общество; эпоха постэкономики, «общество знаний» и даже «эпоха постчеловека», а также не менее внушительная вереница их социологических толкований – У. Бека [Бек 2001], М. Кастельса [Кастельс 2005], Р. Флориды [Флорида 2007] и др.

К изложенному надо добавить еще одно обстоятельство: в контексте современных глобализационных процессов социальное бытие обретает спонтанно-изменчивый характер, а все меры социума и СПВ, в частности, экономика (рынок, частная собственность, биржа, электронные деньги), потребление (консьюмеризм), а также механизмы социально-культурной коммуникации и способы интеракции (масскультура, Интернет) становятся вездесущими – «транспространственными». В этих условиях особенности архитектуры СПВ выражают не только и не столько наборы уже легитимированных временем онтологических структур (социальных, институциональных, артефактных) и их темпоральность, сколько изменчивый и многообразный поток смыслов, информации, прецедентных культурных и политических явлений, поведенческих стратегий и жизненных стилей, требующих идентификации, верификации и легитимации. Социальное пространство начинает трансформироваться в социальные сети (в логос) продуцирования смыслов и обмена ими, а значит – в механизм порождения и легитимации форм социальности и социальных отношений [Назарчук 2012]. В этом контексте операциональность СПВ оказывается под вопросом, не будучи дополнена категорией «идентичность», а точнее – ее неисчерпаемо многообразным маркерным арсеналом [Китинг 2003].

Идентичность как мера политического бытия

Именно маркерный и интерпретационный арсенал идентичности позволяет дифференцированно отражать особенности и нюансы «текучего» социального времени и «трансформерного» социального пространства нашей эпохи, а главное – соотносить СПВ и его сферные аспекты (экономику, культуру, коммуникацию, религию, социальную психологию, а также политическое пространство) с человеком и формами его активности. Ведь именно в этих отношениях кроется политическое бытие, его формы и механизмы.

Поясним это на примерах. Особенности социального бытия эпохи, как известно, находят преломление в типе личности, в персональной идентичности людей, социальных акторов, поскольку идентичность человека есть ни что иное, как некий вариант агрегации и констелляции индивидом (в индивиде) смыслов бытия, форм культуры и социальности, мотиваций к действиям, ценностных позиций и поведенческих схем «здесь-сейчас», в данную историческую эпоху. Однако персоналистические формы культуры и культурного бытия стали возможны (санкционируемы социумом) лишь с выходом на историческую арену ранних форм европейского капитализма и на предшествующих этапах истории человек остается (ему надлежит оставаться) в рамках социально-культурной идентичности, данной («присвоенной») от рождения – с учетом его сословно-классовой принадлежности, исповедуемой религии, этнического происхождения. Соответственно, поддержание и воспроиз-

водство предзаданной, а значит – сакральной социальной идентичности составляет смысл социального и политического бытия в до индустриальных обществах. А что касается политического бытия социума – политика в означенные ситуации подчинена, прежде всего, неукоснительному сохранению («обереганию») идентичности и расширению его географических границ простираения этой идентичности.

Однако по мере развития капитализма, дифференциации форм деятельности и структур социума складывается новый парадигмальный тип(модус) социальной идентичности, – «трансформативный», – отражающий появление выбора, социальных лифтов, вариантов мотиваций профессионального и культурного самоопределения индивида. К тому же, прогресс, – главный ценностный ориентир индустриального общества, – понимается не иначе как рост многообразия материальных артефактов, а также эволюция спектра социальных идентичностей и механизмов их регуляции. В итоге развитие социального бытия и структурирование СПВ теперь обеспечивается не только и не столько за счет географического фактора(значимость которого нивелируется и «снимается» по мере развития индустриальной инфраструктуры, многообразия и эффективности видов транспорта и дальней связи) или специфики локальной культуры, но и за счет индустриальных технологий и продуцируемых ими артефактов, а также роста многообразия форм социальности исоциальной идентичности, что убедительно показано в целом ряде работ [Крылов, 2010; Федотова, 2012].

Понятно, что в этом контексте политическое бытие усложняется, а идентичность его форм и механизмов обретают многообразный характер – профсоюзы, парламенты, выборы, политические партии, рабочие движения и т.д. Теперь делом политики скорее становится «сквозное пребывание» в этом многообразии форм социального бытия, выводя на первые позиции политики «делегативной демократии и прав человека».

Во второй половине двадцатого века, как уже отмечалось, цивилизационная ситуация вновь меняется радикально. В контексте развития новых средств коммуникации, формируется современный модус социальной идентичности, который может быть определен как «коммуникативно-спектральный», поскольку выражает универсальную (ментальную, ценностно-ориентационную, профессиональную, поведенческую, культурную и пространственную) мобильность человека, а также решающую роль информационных потоков и коммуникативного давления в его жизни [Тхагапсоев, 2013]. Дело в том, что ныне против устойчивого существования структуры персональной идентичности работают едва ли ни все формы и механизмы информационного бытия человека – рынок, Интернет, массовая культура, агрессивный напор политических и рекламных технологий, поскольку они предлагают множество заранее выстроенных и подаваемых в красочной форме комбинаций смыслов, ценностей, жизненных ориентиров и поведенческих стратегий, т.е. проектов персональной идентичности, жизненной стратегии и жизненных стилей. В итоге социальная идентичность обретает не только множественный (вариативный), но и абберирующий, мерцательный и крайне неустойчивый характер, внушаемый действием привходящих факторов (малой социальной группой, модой, СМИ, политическими и культурными технологиями). Фактически складывается ситуация обитания человека крайне изменчивой (абберирующей) идентичности в «текущем времени» и изменчивом социальном пространстве, которая не может быть описана иначе, как в когнитивной системе идентичности, что также относится и к политическому бытию (его формам и процессам).

Обратимся в очередной раз к примерам. Понятно что социальное (политическое) пространство-время являет собой совокупность акторов, их отношений, поведенческих стратегий и способов действия. Ныне ситуация такова, что традиционные дихотомические формы действия политического субъекта (признание-не признание действующей власти, принятие-неприятие поддерживаемых ею норм и ценностей, поддержка – отторжение ее курса) все чаще замещается демонстрацией идентичностей различных «групп интересов». Но поскольку современный социум дифференцирован в бесчисленные множества социаль-

ных групп, едва ли ни главной формой политической жизни становится демонстрация акторами своей идентичности: от бессмысленно-умилительной идентичности «флешмобников» и «идентичности иронии» либеральной интеллигенции, до «идентичности агрессии» радикал-националистов и «идентичности вечной опаски» членов различных диаспор.

Идентичность как мера СПВ и политического бытия обретает особую значимость, когда речь идет о виртуальной сфере, роль которой ныне неуклонно возрастает для всех аспектов социального бытия (экономики, культуры, образования). Ведь виртуальность, будучи лишена субстанционально-структурных форм, может быть описана, осмыслена и репрезентирована лишь на основе категории «идентичности», в частности – на основе типов/форм идентичности акторов виртуального пространства (блогер, постер, модератор, медиум, провайдер и др.) или же идентичности практикуемых ими виртуальных технологий (чат, форум, флэш-моб, электронный платеж, фондовая биржа, электронная библиотека, социальные сети, тренинги и пр.).

Если учитывать изложенные обстоятельства, очевидно, что генезис СПВ включает не только изменение структурных аспектов, но также и развитие (смену) механизмов формирования «дизайна» социального пространства-времени. В итоге разным историческим эпохам соответствуют не только «собственные дизайны» СПВ, но и собственные механизмы его формирования, а также специфические особенности социальной причинности, что принципиально важно для политической науки (и пока, увы, проходит мимо ее внимания).

Так, в доиндустриальных обществах структура СПВ определяется, как уже отмечалось, преимущественно природно-географическим фактором обитания социума и спецификой локальных культур (значит социальная причинность носит преимущественно квази-природный характер). А в индустриальном обществе приходит в движение целый ряд механизмов развития социального времени-пространства (а значит – и новые формы/ механизмы социальной причинности), в числе которых пролиферация социальных идентичностей и способов их регулирования (политического, экономического).

Сегодня, в условиях «глобального мира», а значит – беспрепятственного движения производственно-технического потенциала «в поисках дешевой рабочей силы», деятельность по проектированию и тиражированию «идентичностей всего и вся» становится ведущим механизмом структурирования социального бытия. В итоге продуцируемые креативным человеком (личностью, малыми группами) типы идентичности (вещей, отношений, процессов, форм потребления, стилей жизни и горизонтов перспективного развития социума) теперь определяют практически все происходящее в обществе (политике, экономике, культуре); формы и механизмы политического бытия общества. Иначе говоря, СПВ ныне творится преимущественно субъективно-личностным фактором.

Здесь впору вновь обратиться к социальной практике, к конкретным примерам.

Любой, кто ознакомится с решением Совета Европы(1996г.) «Ключевые компетенции для Европы», без труда обнаружит, что эти компетенции представляют собой ни что иное как «описание» типа социальной идентичности «европейца нашего времени», эпохи информационного общества. Она (личность), как выясняется, должна знать, понимать и уметь многое, а в связи с этим – аккумулировать в себе целый ряд компетенций (компетентностей), в том числе:

- уметь жить в современном обществе демократии участия, развивать его институты;
- уметь принимать культурные различия, жить с людьми других культур, языков и религий;
- обладать широкими коммуникативными компетенциями, владением более чем одним языком;
- уметь строить свою жизнь и деятельность в современной информационной среде, осознавать и учитывать ее плюсы и минусы, владеть информационными и массмедийными технологиями;

- обладать способностью учиться на протяжении всей жизни, видя(усматривая) в этом главную основу своего социального бытия и меру его успешности[Ключевые компетенции...].

«Портрет (идентичность) типа личности эпохи» предстает еще рельефнее, если обратиться к идеям Дж. Равена, который соотносит компетентности именно с типами социальной личности и с мотивациями социального действия человека, насчитывая при этом около 40 различных видов компетентностей [Равен, 2002].

Характерно, что упор при этом делается на умениях/компетентностях, формирующих личностные качества «готовность», «способность», «ответственность» и «уверенность» в действиях и социальном поведении, а также приверженность к инновациям и вера в их эффективность, что более всего востребовано в современном сложном, динамично изменяемом остро конкурентном мире.

Понятно, что в формировании компетентностей человека образование играет важную роль. В этом плане закономерна переориентация современной системы образования (от школьного до университетского) на принципы компетентностного подхода. Однако очевидно и другое – для становления человека действенным субъектом современной социальной системы (с демократией участия, инновационно-ориентированной экономикой, культурализмом, морально-этическим плюрализмом и т.д.) рамок и методов образования явно недостаточно – должны действовать и прочие факторы социализации человека и детерминации его поведения (в частности: эффективная система права, законность, рынок, действенные институты гражданского общества). В этом контексте очевидна ошибочность распространенного и активно продвигаемого у нас в стране представления, будто у россиян в рамках сферы образования могут и даже должны быть сформированы актуальные ныне компетентности XXI века (Зимняя, 2006; Хуторской, 2003). Эта идея обречена на утопичность (как и многое другое в современном российском образовании), если не получит «продолжения» в политической практике, скажем, в механизмах «демократии участия». В этом контексте подчеркнем еще раз – категориальные идеи «компетенция» и «компетентность» в европейских дискурсах подчинены репрезентации идентичностей «человека нашего времени», а также механизмов его соотнесенности со структурой социально-политического бытия, что, увы, пока не стало предметом внимания отечественной политической науки и политической практики.

Реальности социально-политического бытия пред лицом виртуального

В процессностях современного СПВ и его причинных механизмах, как уже отмечалось, субъективное в таких формах, как «проективность» и «виртуальность» все больше превагирует над природно-географическим и социально-институциональным.

Здесь важно иметь в виду и следующее: социальное пространство – время не сводится к набору структур и социальных субъектов, их отношений и связей – включает в себя и механизмы «самодвижения», т.е. трансформации, развития социального бытия. Но что такое социальная трансформация в условиях современности? Если социальную трансформацию понимать как системные изменения бытия человека и форму его адаптации к этим изменениям через «активизацию субъективного фактора» [Голенкова, Игитханян 2008], то виртуализация бытия в тех формах и масштабах, что сегодня имеет место, безусловно являет собой ни что иное, как социальную трансформацию (ее тип и форму). Иначе говоря, сегодня социальная трансформация разворачивается, прежде всего и более всего, в виртуальном пространстве и на основе методов виртуалистики. Ведь ныне успешная работа человека на фирме или обучение в университете не обязательно предполагает физические контакты с этими структурами; и сами структуры могут функционировать (и функционируют) в виртуальном пространстве.

Что касается «политического» (политических связей-отношений, проектов, технологий и т.д.), оно все больше укореняется именно в виртуальном пространстве, поскольку на фоне неуклонного снижения влияния традиционных институтов власти в политической жизни явно возрастает роль сетевой самоорганизации для всех форм политической активности. При этом, что принципиально важно, ориентиром самоорганизации людей и их действий

(т.е. механизмом структурирования социального и политического пространства-времени) становятся, прежде всего, идеи, смыслы и проекты, выдвигаемые в сетях. В итоге получается так: формальная иерархия социальных и политических статусов, нормативно закрепленная в обществе, замещается в сетях карнавалом произвольно избираемых и сменяемых идентичностей актора. В этом контексте неформальное влияние «конструкторов идентичностей» (моды, форм публичного поведения) куда выше, чем авторитет власти, формальных структур социального регулирования.

Эти особенности современного СПВ, понятно, определяют и специфику политической сферы. Так, судя по фактам, понимание демократии как формы власти, предписывающей подчинение меньшинства большинству, а саму власть – как легитимный источник насилия «во имя порядка и безопасности» теперь все чаще не вписывается в политическую философию современного «виртуального социума», которая, как правило, придерживается принципов «демократии участия», а также «рационального недоверия» к власти. В то же время, привычными и достаточно действенными становятся механизмы влияния «виртуального социума» на власть. Вот некоторые из них: «информационные цунами по поводу...» (коррупции, свободы слова, вхождения Крыма в состав России, отношения к секс-меньшинствам), создаваемые в соцсетях; «виртуальные союзы и фронты борьбы» с кем-то и кем-то; конструирование и организация «умной толпы», которая может трансформироваться в «рассерженный социум» – в вариант управляемого хаоса («евромайдан» или в обыкновенную толпу (Кондопога, Бирюлево, Манежная площадь, Болотная площадь). В общем, налицо тенденция к росту роли и значимости «политических акторов виртуального пространства» на реалии общественной жизни. В этом плане примечательно, что журнал «Таиме» включил известную группу виртуальных активистов «Anonymous» в число «ста наиболее влиятельных персон» 2012 г. Судя по всему, подобный рост виртуальной «политической мощи» индивида и малых групп, который может сработать не только на развитие демократии, но и на культивирование «превращенных форм» политического бытия (псевдodemократии, «электронного тоталитаризма» и прочих форм посягательства на свободы человека) придает новую актуальность и новые измерения почти подзабытой политической антропологии, активизируя, в свою очередь, дискурсы по проблематике человеческого измерения политики [Пушкарева 2012], [Шестопал 2013; Фельдман 2013; Липкин, Семенов 2013].

Политические хронотопы в парадигмах социального времени-пространства

Отмеченные особенности парадигмального характера развития СПВ и механизмов его развития находят отражение (фиксацию) не только в «социально-политическом бытии нашего времени», но в спектрах (типологии) политических хронотопов минувших эпох. Так, в до индустриальных обществах политические хронотопы и их статусно-геополитическая иерархия задаются главным образом «географической мощью» государства (масштабом территории, численностью населения, наличием природными ресурсами), а в индустриальном обществе – технико-технологическим потенциалом в самом широком понимании. Примеры хорошо известны: геополитический облик мира в до индустриальную эпоху определяли ближневосточные страны «серпа плодородия» (Вавилон, Египет) и государства «великих степей» колосовых культур (Китай, Персия). Однако в эру индустриальных технологий геополитическое лидерство переходит к странам, которые явно не изобиловали природными ресурсами, не отличались внушительными территориями и численностью населения – к Англии, Голландии, т.е. к «технологическим лидерам». Что касается современного мира, за политическими хронотопами и их геополитическим ранжированием ныне стоят не только и не столько природный и производственно-технический факторы, сколько:

- многообразии и общий дизайн креативных идентичностей политического и культурного самоопределения человека;
- спектре форм потребления и горизонтов социального будущего в рамках того или иного политического хронотопа;

– интеллектуальный уровень политической практики в пространстве хронотопа и ее информационного обеспечения (информационная мощь);

– масштабы и уровень вовлечения «виртуального» в социально-политическое и культурное бытие человека в пространстве того или иного политического хронотопа.

Но все это, увы, пока остается за пределами когнитивной оптики политической науки.

К «возможному облику» методологии политической науки

Ситуация в нашей политологии (как в плане успехов так и в плане проблемности) имеет собственную историю, восходящую к 90-м годам. Начиная свое развитие в ту пору, молодая отечественная политология могла сложиться, понятно, только размежевываясь со схоластикой советского марксизма и преодолевая ее спекулятивную методологию, а значит – бытуя как «позитивная наука» (форма классического позитивизма). Так оно и случилось – наша политическая наука и по сей день предпочитает апеллировать к устойчивым структурам и институциям, нормативным отношениям типизированных акторов политического бытия, т.е. действует в лучших традициях классической науки.

Социально-гуманитарная наука, начиная с еще 70-80-х годов минувшего века, отходит от «наивного реализма» классической науки, переходя при этом к методам познания и объяснительным принципам постклассической наук. Объектами ее внимания являются спонтанные и быстротечные синергетические процессы, рекурсивные структуры, акторы абберирующей идентичности, феномены виртуальной реальности и архитектоника социальных сетей, описание и интерпретация которых требует опоры на принципиально новые методологические принципы, когнитивные арсеналы, новую научную лексику. В языке постклассической науки прочное место занимает когнитивный арсенал таких дефиниций как процессность, «нелинейность», «эмерджентность», «диссипативность», структура информации, инетерсубъективность, идентичность, рекурсия, коммуникативность и др. При этом в методологии этой науки сочетаются конструктивизм и проективность, единство субъекта и объекта познания, синтез разнородных знаний и познавательных практик. И самое главное – корректное и системное оперирование этим когнитивным арсеналом выстраивается в рамках современной, постклассической социальной философии и философии науки.

Остается лишь подчеркнуть еще раз, что политическая наука пока явно отстает в маневре наук к постклассической парадигме познания.

Литература

1. *Андреев С.С.* Политическое время и политическое пространство // Социально-политический журнал. 1993. № 6.
2. *Бек У.* Что такое глобализация? М., «Прогресс-Традиция», 2001. – 304 с.
3. *Блауберг И.* Анри Бергсон М.: «Прогресс-Традиция», 2003. – 672 с.
4. *Блюхер Ф.Н.* Бродель Фернан // Новая философская энциклопедия. М., «Мысль», 2000. Т 1. С. 311–312.
5. *Бурдые П.* Социология социального пространства М.: «Алетейя», 2007. – 288 с.
6. *Венгеров А.Б.* Политическое пространство и политическое время (опыт структурирования понятий) // Общественные науки и современность. 1992. № 6. – С. 61 – 69.
7. *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов // Социологические исследования. 2008. № 7. – С. 75 – 85.
8. *Зиммель Г.* Философия культуры. М.: «Юрист», 1996. – 671 с.
9. *Зимняя И.А.* Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Интернет-журнал «Эйдос». 2006. № 5: www.eidos.ru/journal/
10. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 608 с.
11. *Киссель М.А.* Вико Джмбаттиста // Современная западная социология (словарь). М.: Издательство политической литературы, 1990. – С. 54 – 55.

12. Китинг М. Новый рационализм в Европе // Логос. 2003. № 6 (40).
13. Ключевые компетенции для Европы//Интернет- ресурс «Letopisi.Ru.» : www.letopisi/index.php/
14. Крылов А.Н. Эволюция идентичностей: кризис индустриального общества и новое самосознание индивида. М.: издательство НИБ, 2010. – 372 с.
15. Липкин В.В., Семенов И.С. «Человек политический» перед вызовами «infomodernity» // Полис. 2013. № 6. – С. 64 – 81.
16. Лукина Ю.А. Сущность политического времени // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. 2007. Вып. 96. – С. 78 – 86.
17. Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 56 – 67.
18. Огурцов А.П. Политика // Новая философская энциклопедия. М.: «Мысль», 2000. Т. 3. С. 268 – 272.
19. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: «Академический проект», 2000. – 462 с.
20. Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант. М.: «Прогресс», 1994. – 266 с.
21. Политическая идентичность ... Политическая идентичность и политика идентичности. Отв. редактор И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012.
22. Прохоренко И.Л. О методологических проблемах анализа современных политических пространств // Полис. 2012. № 4. С. 68 – 80.
23. Пушкарева Г. Политическое пространство: проблемы концептуализации // Полис. 2012. № 2. – С. 166 – 176.
24. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. М.: «Когито-Центр», 2002. 396 с.
25. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: «Республика», 1998. – 442 с.
26. Семенов С.И. Хронополитические аспекты кризисов культуры // Общественные науки и современность. 1993. № 4. С. 153 – 154.
27. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с.
28. Тхагапсоев Х.Г. В поисках новой методологической парадигмы политической науки: принцип идентичности // Полис. 2013. № 4. – С. 173 – 181.
29. Федотова Н.Н. Изучение идентичности и контексты ее формирования. М.: «Культурная революция», 2012. – 200 с.
30. Фельдман О. Человеческое поведение и политика // Полис. 2013. № 6. – С. 26 – 36.
31. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007. – 432 с.
32. Хуторский А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования // Народное образование. 2003. № 2. – С. 58 – 64.
33. Шестопал Е.Б. Введение в рубрику. Человеческое измерение политики // Полис. 2013. № 6. – С. 6 – 7.
34. Штомпка П. Социология: анализ современного общества. М.: «Логос», 2005. – 416 с.

Tkhagapsoyev Hazhismel Gisovich, Doctor of Philosophy, professor of department of philosophy, Kabardino-Balkarian state university (173, Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russian Federation). E-mail: gapsara@rambler.ru

Chernous Victor Vladimirovich, Candidate of Political Sciences, senior research associate of the Russian institute of strategic researches, Professor of Institute of sociology and regional studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: kavkazdon@mail.ru

**TO SEARCHES OF THE NEW PARADIGM OF POLITICAL SCIENCE:
COGNITIVE FORESHORTENING**

Abstract

Signs of dysfunction and critical theoretical knowledge related to the advent of (paradigms) post-academic science manifest themselves in political science. The alternative in this context the increasing tendency to turn political science in the "application" – in the technology of the "color revolutions and information war-

fare seen in the transfer of this knowledge to the cognitive arsenal of post-classical social sciences and humanities, as well as to rethink the role of philosophy in political science methodology. The policy is interpreted very broadly as the activities of creation, reproduction and regulation of social space-time (SPV) and the peculiarities of political life are considered in the overall context of social history.

Keywords: *social time-space, political space, social transformation, identity, civilizational process, the information society, virtual reality, network society, communication, globalization of the world, projective.*

References

1. Andreev S.S. Politicheskoe vremja i politicheskoe prostranstvo // Social'no-politicheskij zhurnal. 1993. № 6.
2. Bek U. Chto takoe globalizacija? M., «Progress-Tradicija», 2001. – 304 s.
3. Blauberg I. Anri Bergon M.: «Progress-Tradicija», 2003. – 672 s.
4. Blijuher F.N. Brodel' Fernan // Novaja filosofskaja jenciklopedija. M., «Mysl'», 2000. T 1, s. 311–312.
5. Burd'e P. Sociologija social'nogo prostranstva M.: «Aletejja», 2007. – 288 s.
6. Vengerov A.B. Politicheskoe prostranstvo i politicheskoe vremja (opyt strukturirovanija ponjatij) // Obshestvennye nauki i sovremennost'. 1992. № 6. – S. 61 – 69.
7. Golenkova Z.T., Igithanjan E.D. Social'naja struktura obshestva: v poiske adekvatnyh otvetov // Sociologicheskie issledovanija. 2008. № 7. – S. 75 – 85.
8. Zimmel' G. Filosofija kul'tury. M.: «Jurist», 1996. – 671 s.
9. Zimnjaja I.A. Ključevye kompetencii – novaja paradigma rezul'tata obrazovanija // Internet-zhurnal «Jejdos». 2006. № 5: www.eidos.ru/journal/
10. Kastel's M. Informacionnaja jepoha. Jekonomika, obshestvo, kul'tura. M.: GU VShJe, 2005. – 608 s.
11. Kissel' M.A. Viko Dzhmbattista // Sovremennaja zapadnaja sociologija (slovar'). M.: Izdatel'stvo politicheskij literatury, 1990. – S. 54 – 55.
12. Kiting M. Novyj racionalizm v Evrope // Logos. 2003. № 6 (40).
13. Ključevye kompetencii dlja Evropy//Internet- resurs «Letopisi.Ru.» :www.letopisi/index.php/
14. Krylov A.N. Jevoljucija identičnosti: krizis industrial'nogo obshestva i novoe samosoznanie individa. M.: izdatel'stvo NIB, 2010. – 372 s.
15. Lipkin V.V., Semenenko I.S. «Chelovek politicheskij» pered vyzovami «infomodernity» // Polis. 2013. № 6. – S. 64 – 81.
16. Lukina Ju.A. Sushhnost' politicheskogo vremeni // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: social'no-gumanitarnye nauki. 2007. Vyp. 96. – S. 78 – 86.
17. Nazarchuk A.V. Social'noe vremja i social'noe prostranstvo v koncepcii setevogo obshestva // Voprosy filosofii. 2012. № 9. S. 56 – 67.
18. Ogurcov A.P. Politika // Novaja filosofskaja jenciklopedija. M.: «Mysl'», 2000. T.3. S. 268 – 272.
19. Parsons T. Sistema sovremennyh obshestv. M.: «Akademicheskij proekt», 2000. – 462 s.
20. Prigozhin I., Stengers I. Vremja. Haos. Kvant. M.: «Progress», 1994. – 266 s.
21. Politicheskaja identičnost' ... Politicheskaja identičnost' i politika identično-sti. Otv. redaktor I.S. Semenenko. M.: ROSSPJEN, 2012.
22. Prohorenko I.L. O metodologicheskikh problemah analiza sovremennyh politicheskikh prostranstv // Polis. 2012. № 4. S. 68 – 80.
23. Pushkareva G. Politicheskoe prostranstvo:problemy konceptualizacii // Polis. 2012. № 2. – S. 166 – 176.
24. Raven Dzh. Kompetentnost' v sovremennom obshestve: vyjavlenie, razvitie i realizacija. M.: «Kogito-Centr», 2002. 396 s.
25. Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture. M.: «Respublika», 1998. – 442 s.
26. Semenov S.I. Hronopoliticheskie aspekty krizisov kul'tury // Obshestvennye nauki i sovremennost'. 1993. № 4. S. 153 – 154.
27. Stepin V.S. Civilizacija i kul'tura. SPb.: SPbGUP, 2011. – 408 s.
28. Thagapsoev H.G. V poiskah novoj metodologicheskij paradigmy politicheskij nauki: princip identičnosti // Polis. 2013. № 4. – S. 173 – 181.
29. Fedotova N.N. Izučenie identičnosti i konteksty ee formirovanija. M.: «Kul'turnaja revoljucija», 2012. – 200 s.
30. Fel'dman O. Chelovecheskoe povedenie i politika // Polis. 2013. № 6. – S. 26 – 36.
31. Florida R. Kreativnyj klass: ljudi, kotorye menjajut budushhee. M.: Klassika-XXI, 2007. – 432 s.
32. Hutorskij A.V. Ključevye kompetencii kak komponent lichnostno-orientirovannogo obrazovanija // Narodnoe obrazovanie. 2003. № 2. – S. 58 – 64.
33. Shestopal E.B. Vvedenie v rubriku. Chelovecheskoe izmerenie politiki // Polis. 2013. № 6. – S. 6 – 7.
34. Shtompka P. Sociologija: analiz sovremennogo obshestva. M.: «Logos», 2005. – 416 s.